

ГУМИЛЕВ И БАЛЬМОНТ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ «СТАРШЕГО» СИМВОЛИСТА В ЖУРНАЛЕ «АПОЛЛОН»

Александра Чабан
(Гарту)

Во второй половине 1910 г. в №№ 7 и 9 журнала «Аполлон» вышла серия статей о журнале «Весы», где деятельность недавно закрывшегося издания оценивалась весьма низко.

М. Кузмин написал заметку «Художественная проза “Весов”», Н. Гумилев — «Поэзия в “Весях”», бар. Н. Врангель — «Искусство в “Весях”», но самой провокационной оказалась заметка Г. Чулкова со скромным заголовком «Весы»¹. В ней критик обвинил Брюсова в том, что тот бросил журнал на произвол судьбы еще в 1906 г., после чего в «Весях» воцарился хаос:

Книжки «Весов» за последние два-три года — любопытный документ, из которого мы узнаем, между прочим, чем характеризовалась русская истерика начала XX века. Пересмотрите журнал за эти годы: сколько странных противоречий, смешных восклицаний, сколько бессильной и неумной полемики... [Чулков: 19].

Редакцию «Весов» Чулков назвал «мертвой», полной призрачных подражателей Брюсова, а сам журнал, который всегда считался идеологическим центром символизма, лишенным идейной целостности². Бывшая редакция «Весов» во главе с Брюсовым написала протестное письмо в редакцию «Аполлона». Вяч. Иванову пришлось усмирять разгорячившихся литераторов, Маковскому,

---

¹ В. Брюсов в письме к С. Маковскому назвал эту заметку «“Весы”». Некролог» [ЛН 1976: 526–527].

² «С тех пор, как влияние Брюсова стало незаметным, с тех пор, как вместо живого человека, с кровью и плотью, в журнале стали появляться фантомы, повторяющие мертвыми устами мертвые формулы, — журнал перестал быть интересным и значительным; не было уже ни живой личности, ни идейной целостности» [Чулков: 19–20].

главному редактору «Аполлона», также пришлось объясняться перед Брюсовым и московскими поэтами³.

Вдалеке от разразившегося литературного скандала оказался К. Бальмонт, путешествовавший в то время по Египту⁴. Ничего не подозревавший поэт также имел основания для того, чтобы присоединиться к сообществу негодующих, если бы, конечно, знал, что происходит вокруг его имени в журнале «Аполлон». Читатели (преимущественно та же самая литературная элита, о которой и писалось во всех статьях) не обратили должного внимания на заметку Гумилева, которая заслуживает более тщательного изучения и где как раз появляется имя Бальмонта.

Основная канва литературных полемик вокруг журнала «Аполлон» достаточно хорошо освещена литературоведами. Так, уход А. Волынского из «Аполлона» описан А. Лавровым [Лавров], участие в журнале И. Анненского охарактеризовано в недавно вышедшем двухтомном собрании его писем [Анненский], неудавшееся стремление Вяч. Иванова стать во главе «Аполлона» — в книге Н. Богомолова «Вокруг “Серебряного века”» [Богомолов]. Наконец, упоминавшийся скандал со статьей Чулкова о «Весах» подробно откомментирован Н. Богомоловым и О. Куз-

---

³ В следующем номере «Аполлона» вышло обращение редакции, в котором объяснялось, что «ни одна статья, помещаемая в “Аполлоне”, не является редакционной, если это не оговорено. Статья Г. Чулкова о “Весах” должна рассматриваться как личная» [Ред. 1910: 72]. Ответ, однако, не удовлетворил рассерженную сторону. Так, Брюсов писал в очередном письме Маковскому: «Я прочел то замечание от редакции, которое Вы нашли возможным написать... Если признаваться откровенно, оно меня несколько не удовлетворило. Из того, что статья Чулкова «не редакционная», еще никак не следует, что редакция с ней не согласна. Я должен сказать, что вообще мое положение в «Аполлоне» довольно двусмысленно. С одной стороны, некоторые <?> из сотрудников, по-видимому, ко мне расположенные, сравнивают в своих статьях меня с Петром Великим <?> (что более комично, чем почетно). С другой, все серьезные руководящие статьи журнала решительно направлены против меня (я считаю таковыми статьи Анненского, Чулкова, Иванова)» [Богомолов, Кузнецова: 148]. С Петром Великим Брюсова сравнивал Н. Гумилев.

⁴ См. переписку Бальмонта с Брюсовым [ЛН 1991: 217].

нецовой [Богомолов, Кузнецова]. На этом фоне роль Гумилева как критика и деятельного сотрудника «Аполлона» кажется менее изученной.

Для полного описания генезиса творчества Гумилева, поэта и критика, важен вопрос о его творческих взаимодействиях не только с Брюсовым, но и с другими старшими символистами, в частности, с его потенциальным учителем — К. Бальмонтом. Эта тема также пока остается освещенной поверхностно, отчасти об этом говорится в работах О. Клинга [Клинг] и Г. Фридендера [Фридендер].

Итак, в самый разгар скандала вокруг статьи Г. Чулкова, Гумилев публикует собственную статью о «Весах»⁵. Этот смелый шаг, по всей видимости, был продиктован не столько желанием самого поэта, сколько главного редактора «Аполлона» С. Маковского. Еще в начале 1910 г. Маковским был задуман цикл статей о «Весах», где каждый автор осветил бы определенный раздел журнала. После казуса с Чулковым необходимость цикла статей возростала: на этот раз редактор всячески стремился загладить сложившуюся ситуацию более дружественными статьями. Переписка Маковского с секретарем «Аполлона» Е. Зноско-Боровским хорошо демонстрирует резко возрастающий интерес к статье Гумилева. Еще 6 февраля 1910 г. тон письма Маковского совершенно нейтрален: «Чулков — о “Весак” [делали? ее необходимо набирать корпусом, ибо она должна иметь общее литературное значение: итоги Весов — не шутка]» [РНБ 1: 5]. Но после неудачи с Чулковым (апрель–июль 1910 г.) Маковский убеждается в необходимости дополнительных статей о «Весак». 27 июля он пишет Зноско-Боровскому: «Если не будет статьи о “Золотом Руне” — не беда. Об идеологии “Весов” очень нужна была бы статья. Но я совершенно не знаю, кто бы мог ее написать. Впрочем, достаточно пока статей Кузмина и Гумилева. Но будут ли

⁵ Ср.: «Приемы литературной критики, выработанные в “подполье” “Весов”, критики дружеской и “комнатной”, вредно отразились на всей современной критике, когда роль судей в газетах и журналах стали играть бывшие “озорники”. Школа “Весов” более всего отразилась на Н. Гумилеве, чья холодная критика — не любви, не ненависти, а бесстрастного безразличия — из месяца в месяц наполняет страницы “Аполлона”» [Хмель: 33–34].

они?» [РНБ 1: 13 об.]. И через два дня уже настаивает: «Скоро ли я получу корректуру статей Кузмина и Гумилева о “Вессах”? Они меня чрезвычайно интересуют» [Там же: 14–14 об.].

Молодому и еще не укрепившемуся в литературной среде журналу в первый период своего существования необходимо было сохранить дружественные отношения с поэтами старшего поколения, чтобы в будущем обеспечить их участие в журнале. И действительно, тон статьи Гумилева был намного сдержаннее и почтительнее по сравнению с отзывом Чулкова. В статье также отобразилась культивируемая в «Аполлоне»⁶ концепция «передачи эстафеты» от главного публицистического органа символизма молодому амбициозному журналу⁷. Но помимо общих идей, направленных на восстановление репутации «Аполлона» в глазах старших литераторов, статья Гумилева содержала также несколько «шпилек» в адрес «Весов».

В первую очередь, обращает на себя внимание выбор имен, которые, по мнению Гумилева, олицетворяли «Весы». Приведем их в той последовательности, в которой они упомянуты в статье: Бальмонт, Брюсов, Вяч. Иванов, М. Кузмин, А. Белый, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, С. Соловьев, Б. Садовской, В. Гофман, Эллис. Алфавитный принцип здесь явно нарушен, что дает право предположить существование некоторой системы, важной для автора заметки. Так, например, Эллис Гумилев упоминает только в последнем предложении статьи. Ф. Сологуб также оказывается лишь одним из участников данного списка сотрудников журнала⁸. Даже В. Брюсов, главный редактор и вдохновитель «Весов» на протяжении многих лет, почему-то не назван первым. Первым

---

⁶ Письмо Маковского Брюсову от 17 декабря 1909 г., где редактор просит мэтра прислать адреса подписчиков «Весов» и всячески настаивает на его участии в «Аполлоне» [РГБ: 4 об.].

⁷ Современники оценили этот шаг. Например, об «Аполлоне» как правопреемнике «Весов» писал далекий от журнала В. Ховин: «Какое чувство обиды и горечи должно быть у тех, кто помнит, что “Аполлону” были переданы традиции “Мира Искусства” и “Весов”» [Ховин: 9–15].

⁸ Сами «Весы» считали Сологуба оппозиционным им. Его имя не встречается в прощальной заметке редакции «Весов», где были названы все литераторы, имевшие отношение к журналу [Весы: 188–192].

назван К. Бальмонт, который публично отмежевался от «Весов», более чем за полгода до их официального закрытия⁹.

Безусловно, после коллективного протеста Брюсова и москвичей с угрозами отказа от дальнейшего участия в журнале, писать о «Весях» следовало весьма аккуратно. Однако Гумилев остается верен идеологическому вектору «Аполлона»¹⁰ и демонстрирует не только славные заслуги журнала-предшественника, но и его художественную несвоевременность, консервативность.

Вероятно, именно поэтому перечень сотрудников уже ушедшего в историю журнала Гумилев начинает именем большого, но «угасающего» поэта. Таковым, по мысли Гумилева, являлся именно Бальмонт, а не Брюсов.

Характеризуя журнал «Весы» и творчество Бальмонта в других статьях, Гумилев использует метафорику заката и угасания. Так, например, в отзыве на сборник Бальмонта «Только любовь» (1908) угасание таланта поэта сопряжено с отсутствием творческого развития:

Читатели последних произведений Бальмонта (много ли их?) с грустью перечтут эту странно-прекрасную, изысканную по мыслям и чувствам книгу, в которой, быть может, уже таятся зачатки позднейшего разложения <...>. Когда настало время созидательной работы, <...> Бальмонт оказался всем чужим. Наступило время великого заката [Гумилев 1908: 45]¹¹.

⁹ «Считая роль журнала “Весы”, — одним из литературных основателей которого был, между прочим, и я, — окончательно сыгранной, видя также, что в этом году он стал систематическим прибежищем для литературных подростков, коим не суждено никогда подрасти, имея, кроме того, ряд фактов, указывающих на недопустимое по отношению ко мне небрежение правилами простой деловой добросовестности, — я отказываюсь от какого-либо дальнейшего участия в этом журнале», — заявлял К. Бальмонт [Бальмонт: 79].

¹⁰ См. манифест «Аполлона»: [Ред. 1909: 2–4].

¹¹ См. также: в рецензии на «Вертоград зеленый» (1909) Гумилев отмечает: «Вечная тревожная загадка для нас К. Бальмонт. Вот пишет он книгу, потом вторую, потом третью, в которых нет ни одного вразумительного образа <...> и только в дикой вакханалии несутся все эти “стозвонности” и “самосожженности” и прочие бальмонтизмы. Критики берутся за перья, чтобы объявить “конец Бальмонта” <...> И вдруг он печатает стихотворение, и не просто прекрасное, а изуми-

В рецензии на «Весы» угасание символизма также означает отсутствие новой динамики, вызванной, однако, другим фактором. Молодые поэты перерастают символизм, оставляют его, двигаются дальше, а символизм (как и Бальмонт) остается в прошлом:

Символизм угасал. Уже самые споры, возникшие из-за определения этого, казалось бы, вполне выясненного литературного учения, указывали на недовольство им в кругу поэтов. Появились новые задачи, особые у каждого мастера, и их произведения назывались символическими только за неимением более подходящего названия [Гумилев. 1910. № 9: 42].

Личность Брюсова для «Аполлона», а не только для Гумилева, значила гораздо больше, поскольку Брюсов продолжал оставаться лидером определенной группы литераторов (что проявилось и в эпизоде с протестным письмом, инициированным Брюсовым). Кроме того, начиная с 1907 г., поэтическая карьера Бальмонта, находившегося на периферии общественной жизни России, действительно складывалась не самым удачным образом. Зачастую разные представители противоположных литературных лагерей сходились в низкой оценке его творчества после 1903 г. (т. е. после выхода в свет сборника «Будем как солнце», 1903)¹². Поэтому, помещая Бальмонта на первое место в перечне литераторов, Гумилев достигает двух целей сразу: он демонстрирует идеологическую отсталость «Весов» и отображает верную, с точки зрения литераторов-современников, ситуацию по отношению к Бальмонту.

тельное <...> Но проходят месяцы, <...> бальмонтизмы не становятся ближе, и тогда опять начинаешь свыкаться со странной мыслью, что и очень крупный поэт может писать очень плохие стихи» [Гумилев 1912 ап.: 71].

¹² Ср.: «Ветровая мельница К. Бальмонта перемалывает без усталости старое» [Шершеневич: 2]; «Бальмонт пропел свои лучшие песни: последние сборники его стихов, по единодушному признанию его друзей и врагов, не могут совершенно равняться его предыдущим сборникам» [Гурьев: 29]; «Конечно, в «Зареве Зорь» Бальмонта много прекрасных стихов, но вряд ли что-либо *новое* скажет этот поэт, блуждавший по всему миру, не замечая в нем ничего, кроме своей души, с рассеянным невидящим взором, в творчестве жадно пожирающий самого себя» [Эренбург: 14].

Для «Аполлона» Бальмонт в качестве сотрудника полностью утрачивает ценность к 1910-му г. И Гумилев демонстрирует это совершенно неожиданным решением: в стихотворном отделе номера он печатает четыре стихотворения Бальмонта («Кони бурь», «В зареве зорь», «Шорохи», «Четыре»).

По мере укрепления литературного авторитета «Аполлона» имя Бальмонта навсегда исчезает из числа сотрудников журнала, а тексты автора последовательно отклоняются молодой редакцией. Так, в 1911 г. не был принят рассказ Бальмонта «Волчья шуба»¹³, а в 1914 — подборка стихотворений. Известно, что активное участие в отборе текстов и компоновке литературного отдела журнала принимал Н. Гумилев (а с конца 1912 г. он становится главой литературного отдела). О подобной тактике игнорирования определенного поэта редакцией и, в частности, Гумилевым было известно многим современникам. Так, эгофутурист И. Игнатъев комментировал тактику Гумилева применительно уже к другому поэту, С. Городецкому: «Конечно, гумилевские “манипуляции” и тоньше, и обдуманней, и дипломатичней. Дипломатичностью и можно только объяснить непуск Гумилевым Сергея Городецкого на столбцы “Аполлона”, поэзным корифеем коего является Аякс второй — Н. Гумилев» [Игнатъев: 2]. Примечательно и то, что не известна переписка Бальмонта ни с главным редактором, ни с кем-либо из секретарей журнала. По всей видимости, все диалоги велись через посредников (например, стихотворения для первого номера «Аполлона» Бальмонт посылал Волошину [РНБ 2: 5–6]). Все это не способствовало сближению поэта с редакцией журнала и служило быстрому охлаждению отношений.

На этот раз стихотворения оказались опубликованными. Но именно они весьма удачно иллюстрировали основные претензии Гумилева, высказанные им несколькими страницами ранее, в статье о поэзии в «Весах».

Продолжая свою прежнюю мысль о набивших оскомину «бальмонтизмах»¹⁴, Гумилев в статье о «Весах» пишет:

¹³ См. об этом комментарии Р. Щербакова [ЛН 1991: 230].

¹⁴ См. примеч. 11. Неясный образ, нагромождение звуков, спаянных словосочетаний: «стозвонности», «самосожженности» и т. д.

В своих эпитетах он не гонится за точностью; он хочет, чтобы не скрытые в них представления, а самый звон их определял нужный ему образ. Однако, и тут он, где можно, превращает прилагательные в существительные: безглагольный — безглагольность, лелейный — лелейность и т. д. Пренебрежение к глаголам — вот что делает его последние стихи мертвенными и неподвижными, потому что поэзия есть мысль, а мысль — прежде всего движение [Гумилев 1910. № 9: 42].

Среди четырех напечатанных стихотворений есть одно, полностью иллюстрирующее эту претензию Гумилева. В стихотворении есть «бальмонтизмы» и отсутствуют глаголы. При этом в остальных трех текстах, отобранных для публикации, и во всех прочих стихотворениях сборника глаголы присутствуют. Таким образом, если бы Гумилев не выбрал именно это стихотворение, то его претензии были бы достаточно безосновательны:

Четыре

Отблеск зеркальной дальной Луны,
Ландыш венчальный, вздох тишины,
Это — влюбленность Весны.

Жаркой гвоздики лики кругом,
Красные вскрики, жар над цветком,
Это есть Лето с огнем.

Танец багряный пьяных листьев,
Яркие раны, тон холодов, —
Осень, и вдовый покров.

Бархатный иней, синяя тьма,
Льдяности линей, тишь, терема,
Это — царица Зима.

Следующий упрек Гумилева Бальмонту касается увлечения последним фоникой стиха, часто в ущерб как образному строю стихотворения, так и его смыслу:

К. Бальмонт, такой хрупкий, такой невещественный в первый период своего творчества, страстно полюбил вещи и выше всего поставил потенциально скрытую в них музыку. В своих эпитетах он не гонится за точностью; он хочет, чтобы не скрытые в них представления, а самый звон их определял нужный ему образ [Гумилев 1910. № 9: 42].

Стихотворение «Кони бурь» показывает это чрезмерное увлечение звукописью:

Ржали кони по лазури,
Разоржались кони бурь,
И, дождавшись громкой бури,
Разрумянили лазурь.

Громы, рдея, разрывали
Крепость мраков, черный круг.
В радость радуги играли,
Воздвигали рдяность дуг.

Завершив свой подвиг трудный,
Ливень струй освободив,
Мир растений изумрудный
Весь прикрыли мглою грив.

И промчались в небе взрытом,
Арку радуги дождли,
И ушли, гремя копытом,
Чу, последний гром вдали.

Два других произведения — «Шорох» и «В зареве зорь» также, но в меньшей степени отображают описанные Гумилевым особенности поэтики Бальмонта. Главной из них оказывается чрезмерная подражательность текстов, в частности, подражание А. Фету (см. стихотворение «Четыре»).

Итак, на страницах «Аполлона» Бальмонт с легкой руки Гумилева представляется не только поэтом скудным по тематике творчества («бальмонтизмы» и проч.), но и чрезвычайно вторичным и, следовательно, неактуальным.

Интересен также и более широкий стихотворный контекст, в который помещены эти четыре стихотворения в журнале. За текстами Бальмонта следуют стихотворения будущих акмеистов О. Мандельштама и М. Зенкевича, поэтика которых уже тогда шла вразрез с поэтикой Бальмонта, что создавало еще больший контраст: поэзия уходящего периода (как в «Весях» с Бальмонтом во главе) и новаторская поэзия Мандельштама, Зенкевича, часто печатавшихся в «Аполлоне». В целом эта подборка публикаций в очередной раз снижала образ мэтра Бальмонта на страницах «Аполлона» и подчеркивала новаторство взглядов молодой редакции.

Стихотворения Бальмонта из «Аполлона» вошли в состав сборника «Зарево зорь» (1912), достаточно благосклонно оцененного критиками [Волошин: 3]. Гумилев, однако, охарактеризовал весьма холодно и эту книгу стихов: «В своих последних книгах К. Бальмонт находится в том же кругу переживаний, что десять лет тому назад. Опыт этих лет прошел мимо него» [Гумилев 1912 тип.: 29]. И не только здесь: при каждом удобном случае Гумилев старается дать низкую оценку творчества Бальмонта: «“Зеленый Вертоград (Слова поцелуйные)” навеян Бальмонту песнями и сказаниями хлыстов. Многие стихотворения — прямо подделки. Подлинный их религиозный аромат, конечно, выветрился у Бальмонта, никогда не умевшего отличить небесность от воздушности» [Гумилев 1912 ап.: 71]. Также в отзывах на других поэтов и другие сборники у Гумилева проскальзывают «антибальмонтавские» настроения: «Пора подражания Бальмонту уже прошла, а время учения у него еще не наступило» [Гумилев 1910. № 8: 59]; «Как объяснить К. Бальмонту, написавшему очерк об египетской любовной поэзии, что между самыми красивыми словами должна же быть связь, и что эссенция сахара горька на вкус? <...> В переводе самих египетских песен нет ничего египетского, — один Бальмонт последнего периода» [Гумилев 1911. № 8: 57].

Здесь Гумилев не просто в очередной раз подчеркивает самоповторы в поэзии Бальмонта последнего периода, но и называет читателям причину его непопулярности в среде современных литераторов — отсутствие развития и новизны.

Примечательно также, что за несколько месяцев до выхода статьи о «Весах» в статье «Жизнь стиха» («Аполлон» 1910, № 7) Гумилев создает пантеон современных поэтов и исключает из него Бальмонта. Двумя годами позднее большую юбилейную статью, посвященную 25-летию творческой деятельности поэта, в «Аполлоне» пишет не ответственный за поэзию в журнале Н. Гумилев, а Вяч. Иванов [Иванов 1912: 36]. Отзыв Гумилева о таланте мэтра был бы далек от праздничных похвал. Торжественное празднование юбилея Бальмонта также было инициативой Вяч. Иванова. Маковский сообщал об этом Брюсову:

Может быть, до Вас уже дошел слух о том, что литературный Петербург собирается чествовать Бальмонта по случаю двадцатипятилетия

его литературной деятельности. <...> Идея этой всеобщности принадлежит Вячеславу Иванову, но в конце концов все участники <...> согласились с тем, что «Бальмонту» прошла достаточная давность для объединения всех на его имени [ЛН 1982: 395].

Таким образом, молодая редакция «Аполлона» была единодушна с мнением Гумилева: формально отмечая юбилей, сотрудники признавали, что, не дав современной литературе более ничего нового, Бальмонт становится поэтом прошлого и не может объединять новых авторов.

Осторожный Маковский, тем не менее, сетовал на излишнюю пристрастность Гумилева: «<...> Кузмин пишет сдержанно, а Гумилеву я уже давно собираюсь сделать целый ряд увещаний, прося его быть менее резким и “личным” в оценках» [Богомолов, Кузнецова: 143].

Но среди всех обвинений в увлечении звукописью, чрезмерно изящной формой, «бальмонтизмах», устарелости, в других «Письмах о русской поэзии» имя Бальмонта вдруг оказывается в соседстве с именем Брюсова, чрезвычайно важным для Гумилева: «В России влияние Бодлера испытали два крупнейших представителя новой поэзии, Бальмонт и Брюсов, и множество других менее значительных» [Гумилев ЦГАЛИ]. «Бальмонт периода «Горящих зданий» и Брюсов, влияние которых на автора очень заметно, — прекрасная школа», — замечает он о поэзии С. Константинова [Гумилев 1911. № 12: 73], «Виктор Гофман — ученик то Бальмонта, то Брюсова» [Гумилев 1910. № 9: 42], словарь Сологуба Гумилев предлагает сравнить «хотя бы со словарем Брюсова или Бальмонта» [Гумилев 1910. № 8: 35], по поводу антологии «Мусагета» (1911) Гумилев сокрушается, что «нет ни Бальмонта, ни Брюсова, ни Сологуба <...>» [Гумилев 1911. № 7: 35], а в «Северных цветах» Гумилев сразу замечает «знакомые имена Брюсова, Бальмонта, Кузмина, Гиппиус и др.» [Гумилев 1911. № 8: 57], о журнале «Мир Искусства» Гумилев вспоминает, что тот «выдвигал наряду с Бальмонтом и Брюсовым такую сомнительную поэтическую величину, как Минский» [Гумилев 1910. № 9: 42].

Эти имена встречаются здесь не только для антитезы¹⁵. Оценивая роль поэтов с точки зрения литературного процесса, Гумилев сравнивает Брюсова и Бальмонта как зачинателей поэзии модернизма. Дальнейшая же судьба литераторов расходится коренным образом: линия Брюсова остается жизнеспособной в литературе и порождает сильную школу (одним из главных представителей которой выступает Н. Гумилев), линия Бальмонта идет по стезе эпигонства и в школу не превращается («Пора подражания Бальмонту уже прошла, а время учения у него еще не наступило»). Поэтому один поэт до сих пор оказывается нужным редакции «Аполлона», а другого редакция игнорирует.

Однако в вопросе о репрезентации Бальмонта на страницах «Аполлона» соблазнительно предположить не только четко заданную постсимволистскую концепцию, подчас диктовавшую сотрудникам журнала более смелые и прогрессивные, чем у символистов и даже народников, взгляды на современное искусство, но и давнюю обиду Гумилева на мэтра.

Не испытывая особых симпатий к Бальмонту и преклоняясь перед Брюсовым, Гумилев, тем не менее, изначально ставил их обоих на одну ступень поэтической иерархии. Оба мэтра потенциально могли быть учителями Гумилева, обоих он в равной степени для себя отмечал, делая первые шаги в литературе¹⁶.

Но именно Брюсов сделал шаг к началу литературных контактов поэтов и ответил на письмо Гумилева (см. письмо от 11 февраля 1906), Бальмонт же на письмо Гумилева не ответил, что во многом предопределило дальнейшее развитие их непростых отношений. Об этом Гумилев сообщал Брюсову: «Приехав в Париж, я послал Бальмонту письмо, как его верный читатель, а отчасти в прошедшем ученик, прося позволения увидеться с ним, но ответа не получил» [ЛН 1994: 415]. И далее: «Я был бы в вос-

---

¹⁵ Хотя иногда Гумилев действительно противопоставлял поэтов, помещая отзывы о них рядом: так, в рассматриваемом обзоре «Весов» за «слабым» Бальмонтом идет поэтически «сильный» Брюсов; скептический отзыв на переводы Э. По, выполненные Бальмонтом, сменяется положительным о переводах Брюсова [Гумилев 1912 ап.: 69].

¹⁶ Ср.: «Из поэтов люблю больше всего Эдгара По, которого знаю по переводам Бальмонта, и Вас (ради Бога, не сочтите это за лесть)» (Письмо от 15.05.1906) [ЛН 1994: 414].

торге увидеть Вячеслава Иванова и Макса Волошина <...> Но только не Бальмонта! Знаменитый поэт, который даже не считает нужным ответить начинающему поэту, сильно упал в моем мнении, как человек» [ЛН 1994: 415]. Как кажется, этого оказалось достаточно, чтобы Гумилев затаил свою обиду навсегда.

Бальмонт был в это время, как и Гумилев, в Париже. И, как следует из его переписки с Брюсовым, избегал контактов. Так, в письме от 15 декабря 1906 г. Бальмонт отмечает: «Я живу действительно в сокрытости. Ты угадал это. <...> Мне решительно никого не нужно. Мне довольно моих близких, мне довольно любить и мечтать, смотря в высокое окно» [ЛН 1991: 179]. Насколько нам известно, особой неприязни к Гумилеву Бальмонт никогда не испытывал. Однако все-таки удивительно, что не существует свидетельств об отношении Бальмонта к младшему брату по перу (по крайней мере, они нам не известны).

Рецензии на первые сборники стихов Гумилева также ярко отображают этот переход от ученичества у Бальмонта к ученичеству у Брюсова. Так, сам Брюсов отмечал, что строфы «Песни о певце и короле» (сборник «Путь конквистадоров», 1905) «до мучительности напоминают свои образцы, то Бальмонта, то Андр. Белого, <...> Есть совпадения целых стихов: так, стих “С проклятем на бледных устах” (стр. 15) уже сказан раньше К. Бальмонтом (“Мертвые корабли”))» [Брюсов: 156]. Третья книга стихов Гумилева, «Жемчуга» (1910) уже имела посвящение «учителю Брюсову», что не осталось незамеченным и среди критиков. «Н. Гумилев не напрасно называет Валерия Брюсова своим учителем: он — ученик, какого мастер не признать не может; и он — еще ученик» [Иванов 1910: 35]; «Раз навсегда решив, что нет пророка кроме Брюсова, г. Гумилев с самодовольной упоенностью <...> слепо идет за ним» [Е. Я.: 5].

Отмечая излишнюю субъективность Гумилева¹⁷ в оценках Бальмонта, все же заметим, что поэт-критик каждый раз в своих статьях выдерживал определенный баланс: с одной стороны, чрезмерно частые и иногда намеренно наглядные (как в случае

¹⁷ Ср. в книге воспоминаний Б. Лившица «Полутораглазый стрелец»: «Гумилев не отделял литературных убеждений от личной биографии <...> не признавал никаких ходов сообщения между враждующими станами» [Лившиц].

со стихотворениями в девятом номере «Аполлона») упреки поэту в увядании его таланта и, пользуясь выражением Игнатьева, «невпуск» Бальмонта в «Аполлон» дискредитировали образ Бальмонта в глазах читателей (что согласовывалось с позицией самого журнала), с другой стороны, — не менее частое соположение с именем Брюсова говорило об определенной значимости Бальмонта в глазах Гумилева. Примечательно также, что, порицая Бальмонта в каждой рецензии, Гумилев не обходит вниманием ни один вышедший его сборник (ср., например, отношение Гумилева к сборникам Мережковских: критик никогда не писал на них отзывы). По всей видимости, Гумилев прекрасно осознавал значимость Бальмонта для истории литературы, но для современного литературного процесса бывший мэтр служил удачным анти-примером, на ошибках которого молодые авторы могли бы учиться поэтическому мастерству.

ЛИТЕРАТУРА

- Анненский: *Анненский И. Ф.* Письма: В 2 т. Т. 2: 1906–1909 / Сост. и комм. А. И. Червякова. СПб., 2009.
- Бальмонт: *Бальмонт К.* Письмо в редакцию // Золотое Руно. 1909. № 6.
- Богомолов, Кузнецова: *Богомолов Н. А., Кузнецова О. А.* Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским // Новое литературное обозрение. 1994. № 10.
- Богомолов: *Богомолов Н. А.* Вокруг «Серебряного века». М., 2010.
- Брюсов: *Брюсов В. Н.* Гумилев. Путь конквистадоров // Весы. 1905. № 11. Весы: От редакции // Весы. 1909. № 12.
- Волошин: *Волошин М. К.* Бальмонт. Зарево зорь // Утро России. 1912. № 57.
- Гумилев 1908: *Гумилев Н. К.* Бальмонт. Только любовь. Издание второе // Весна. 1908. № 10.
- Гумилев 1910. № 8: *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 8.
- Гумилев 1910. № 9: *Гумилев Н.* Поэзия в «Весях» // Аполлон. 1910. № 9.
- Гумилев 1911. № 12: *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 12.
- Гумилев 1911. № 7: *Гумилев Н.* Мусагет. Антология (1911) // Аполлон. 1911. № 7.
- Гумилев 1911. № 8: *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 8.
- Гумилев 1912 ап.: *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 1.

- Гумилев 1912 гип.: *Гумилев Н. К. Бальмонт. Зарево зорь* // Гиперборей. 1912. № 1.
- Гумилев ЦГАЛИ: *Гумилев Н. Поэзия Бодлера / Печатается по автографу без даты (ЦГАЛИ 147 1 14). Публ. проф. Грэхем.*
- Гурьев: *Гурьев П. Итоги русской символической поэзии* // Начало. Саратов, 1914.
- Е. Я.: *Е. Я. <Янтарев Е.>. Н. Гумилев. Жемчуга* // Столичная молва. 1910. 24 мая.
- Иванов 1910: *Иванов Вяч. Жемчуга Н. Гумилева* // Аполлон. 1910. № 7.
- Иванов 1912: *Иванов Вяч. О лиризме Бальмонта* // Аполлон. 1912. № 3–4.
- Игнатъев: *Игнатъев И. В. Литературные тени. О «поэзии дня». О «щехе поэтов». О «кубизме», «эго-футуризме» и «футуризме»* // Нижегородец. 1913. 8 февраля.
- Клинг: *Клинг О. А. Русская поэзия начала XX века в оценке Гумилева-критика* // Филологические науки. 1988. № 4.
- Лавров: *Лавров А. В. А. Вольтинский и журнал «Аполлон»* // Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007.
- Лившиц: *Лившиц Б. Полутораглазый стрелец*. М., 1989.
- ЛН 1976: Литературное наследство. М., 1976. Т. 85.
- ЛН 1982: Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. М., 1982. Кн. 3.
- ЛН 1991: Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. М., 1991. Кн. 1.
- ЛН 1994: Литературное наследство. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2.
- РГБ: ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 97. Ед. хр. 27, 28. Л. 4 (об.).
- Ред. 1909: <Ред.>. Вступление // Аполлон. 1909. № 1.
- Ред. 1910: <Ред.>. От редакции // Аполлон. 1910. № 8.
- РНБ 1: ОР РНБ. Ф. 124. Ваксель. Ед. хр. 2645.
- РНБ 2: ОР РНБ. Ф. 124. Ваксель. Ед. хр. 975.
- Фридлендер: *Фридлендер Г. Н. С. Гумилев — критик и теоретик поэзии* // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994.
- Хмель: <*Семен Дмитриевич*>. Бессилие современной критики (Заметки библиографа) // Хмель. 1913. № 7–9.
- Ховин: *Ховин В. Модернизированный Адам. — Небокопы. Эго-футуристы*. VIII. СПб., 1913.
- Чулков: *Чулков Г. Весы* // Аполлон. 1910. № 7.
- Шершеневич: *Шершеневич В. За полгода* // Нижегородец. 1913. № 254 (22 авг.).
- Эренбург: *Эренбург И. Заметки о русской поэзии* // Гелиос. Париж, 1913. № 1. Ноябрь.